

А. Коллонтай
Дорогу крылатому Эросу!
(Письмо к трудящейся молодежи)

Вместе с победой коммунистических принципов и идеалов в области политики и экономики неизбежно должна совершиться и революция в мировоззрении, в чувствах, в строе души трудового человечества. Уже сейчас намечается новое отношение к жизни, к обществу, к труду, к искусству, к «правилам жизни» (то есть к морали). В правила жизни как составная часть входят взаимоотношения полов. Революция на духовном фронте завершает великий сдвиг в мышлении человечества, вызванный пятилетним существованием трудовой республики.

Но чем острее борьба двух идеологий, чем больше областей она захватывает, тем неизбежнее встают перед человечеством все новые и новые «загадки жизни», проблемы, на которые удовлетворительный ответ может дать только идеология рабочего класса.

К числу таких проблем относится и затронутый вами вопрос — «загадка любви», другими словами, вопрос взаимоотношений полов, — загадка старая, как само человеческое общество. На разных ступенях своего исторического развития человечество по-разному подходило к ее разрешению. «Загадка» остается, ключи меняются. Эти ключи зависят от эпохи, от класса, от «духа времени» (культуры). С самых ранних ступеней своего социального бытия человечество начало регулировать не только половое общение, но и самую любовь...

В родовом быте мораль возводила в высшую добродетель любовь, определяемую кровным родством. В те времена род и племя неодобрительно отнеслись бы к женщине, которая стала бы жертвовать собою ради любимого мужа и, наоборот, возводила в добродетель чувства братской или сестринской привязанности. Антигона, по сказанию древних греков, рискуя жизнью, хоронит тела своих погибших братьев, что делает ее в глазах современников героиней. Современное буржуазное общество на такой поступок со стороны сестры (не жены) посмотрело бы только как «на курьез».

Во времена господства племенного начала и создания первобытных зачатков государственности формой любви, вызывавшей наибольшее почитание, являлась дружба между двумя соплеменниками. В те века слабому социальному коллективу, только что

**ДОРОГУ КРЫЛАТОМУ
ЭРОСУ!**

вышедшему из стадии кровнородового быта, крайне важно было сцепить, связать между собою своих сочленов духовно-душевыми узами. Наиболее подходящим душевным переживанием являлась для этой цели не любовь между полами, а любовь-дружба. Интересы коллектива того времени требовали роста и накопления в человечестве душевно-духовных скреп не между брачной парой, а между соплеменниками, организаторами и защитниками племени и государства (конечно, мужчинами; о дружбе женщин в те времена не было и речи — она не являлась социально-бытовым фактором). Любовь «дружбы» воспевали, ее ставили выше, чем любовь супругов. Кастор и Поллукс прославились не своими подвигами перед отечеством, а своей верностью друг другу и непоколебимой дружбой. «Дружба» (или ее видимость) заставляла любящего свою жену супруга уступать ее для брачного ложа любимому другу или гостю, с которым надо было завязать «дружбу».

Дружба, «верность другу по гроб» возводилась в античном мире в число гражданских добродетелей. Любовь же в современном смысле слова не играла роли и почти не привлекала к себе внимания ни поэтов, ни драматургов того времени. Господствующая в то время идеология относилась к числу узколичных переживаний, с которыми общество не считалось; брак в то время строился на началах рассудка, не любви. Любви отводилось место лишь наряду с другими забавами; это была роскошь, которую мог себе позволить гражданин, выполнивший все свои обязанности по отношению к государству. «Уменьше любить», свойство, ценимое буржуазной идеологией, если только любовь не выходит за рамки буржуазной морали, древнеязыческим миром не принималось в расчет при определении «добродетелей» и качеств человека. В древности ценилось лишь чувство дружбы. Человек, который шел на подвиги, рисковал собою ради друга, почитался героем, и поступок его определенно относился к числу «моральных добродетелей». Наоборот, человек, рисковавший собою ради любимой женщины, вызывал лишь осуждение, даже презрение. О любви Париса к прекрасной Елене, повлекшей за собою Троянскую войну, говорилось в преданиях как о заблуждении, следствием которого явилось всеобщее несчастье.

Мораль античного мира не возводила в пример, достойный подражания, даже любовь, вдохновлявшую на подвиги, что имело место в период феодализма. Античный мир усматривал только в дружбе эмоцию, чувствование, которое скрепляло соплеменников душевными узами, создавало большую устойчивость еще слабого тогда общественного организма. Напротив, на последующих ступенях культуры дружба перестает считаться моральной

добродетелью. В буржуазном обществе, построенном на началах индивидуализма и бешеной конкуренции и соревновании, дружбе как моральному фактору не было места. Век капитализма рассматривает дружбу как проявления «сентиментализма» и совершенно ненужной, вредной для буржуазно-классовых задач слабости и духа.

Дружба становится объектом насмешек. Кастор и Поллукс в современном Нью-Йорке или лондонском Сити вызвали бы лишь снисходительную усмешку. Не признавало и феодальное общество чувство дружбы как свойство, которое следует воспитывать и поощрять в людях.

Феодальное господство держалось на строгом соблюдении интересов знатной фамилии, рода. Добродетели определялись не столько взаимными отношениями членов тогдашнего общества, сколько обязанностями члена рода к роду и его традициям. Брак всецело определялся интересами семьи, и юноша (девушка вообще воли не имела), выбиравший себе жену вопреки этим интересам, подвергался строгому осуждению. Во времена феодализма не полагалось ставить личное чувство, личное влечение выше интересов народа, кто так поступал, являлся «грешником». По понятиям феодального общества, любовь и брак вовсе не должны были совпадать.

Тем не менее именно в века феодализма самое чувство любви между полами вовсе не было в загоне, наоборот, оно впервые в истории человечества получило известное право гражданства. На первый взгляд кажется странным, что любовь получила признание именно в века суровейшего аскетизма, грубых и жестоких нравов, в века насилия и власти захватного права. Но если ближе приглядеться к причинам, вызвавшим признание любви как социально-законного и даже желательного явления, то станет ясно, чем такое признание определялось.

Любовь — в известных случаях и при известных обстоятельствах — может явиться двигателем, толкающим влюбленного человека на ряд поступков, на которые он был бы не способен при ином, менее подвешенном и подъемном душевном состоянии. Между тем рыцарство требовало от каждого своего сочлена высоких и притом чисто личных доблестей в области военного дела; бесстрашия, храбрости, выносливости и т.д. Битвы в те века решались не столько организацией войска, сколько индивидуальными качествами ее участников. Рыцарь, влюбленный в недоступную «даму сердца», легче совершал «чудеса храбрости», легче побеждал в единоборствах, легче жертвовал жизнью во имя прекрасной дамы. Влюбленного рыцаря толкало стремление «отличиться», чтобы этим способом снискать расположение своей возлюбленной.

Рыцарская идеология учла это явление и, признав любовь как психическое состояние человека весьма полезным для классовых задач феодального сословия, тем не менее поставила самое чувство в определенные рамки. Любовь супругов в те века не ценилась и не воспевалась, не ею держалась семья, проживавшая в рыцарских замках и русских боярских теремах. Любовь как социальный фактор чтилась лишь тогда, когда дело шло о влюбленном рыцаре к чужой жене, заставлявшей рыцаря идти на военные или иные рыцарские подвиги. Чем недоступнее была женщина, тем настойчивее приходилось рыцарю добиваться ее благосклонности и тем больше приходилось ему развивать в себе добродетели и качества, какие ценились в его сословии (бесстрашие, выносливость, настойчивость, отвага и т.д.).

Обычно «дамой сердца» рыцари избирали как раз женщину наименее доступную: жену своего владыки (сюзерена), нередко королеву. Только такая «духовная любовь» без плотского утешения, прищипывая рыцаря на доблестные подвиги, заставляя его творить чудеса храбрости, считалась достойной подражания и возводилась в «добродетель». Рыцари почти никогда не избирали предметом своего обожания девушку. Как бы недоступно-высоко над рыцарем по феодальной лестнице ни стояла девушка, любовь рыцаря к девушке могла повести к браку, а с браком неизбежно исчезал психологический двигатель, толкавший рыцарей на подвиги. Этого-то и не допускала феодальная мораль. Отсюда совмещение идеала аскетизма (полового воздержания) с возведением влюбленности в моральную добродетель. В своем рвении очистить любовь от всего плотского, «греховного», превратить любовь в абстрактное чувство, совершенно оторванное от своей биологической базы, рыцари доходили до уродливейших извращений: избирали «дамой сердца» женщину, которую никогда не видали, записывались в возлюбленные Девы Марии, Богоматери... (Дальше идти было некуда...)

Феодальная идеология видела в любви-влюбленности прежде всего стимул, укрепляющий свойства, необходимые рыцарям: «духовная любовь», обожание рыцарем «дамы сердца» служили интересам рыцарского сословия — этим определялся взгляд на любовь в эпоху расцвета феодализма. Рыцарь, который несколько не усомнился бы сослать жену в монастырь или даже казнить ее за измену плоти, за «прелюбодеяние», бывал весьма польщен, если другой рыцарь избирал его жену «дамой сердца» и несколько не препятствовал жене обзаводиться «чичисбеями» («духовными друзьями») — мужчинами.

Но, воспевая и возвеличивая любовь духовную, рыцарская феодальная мораль вовсе не требовала, чтобы любовь царила при

законнобрачном или ином общении полов. Любовь — это одно, брак — другое. Феодальная идеология расчленяла эти два понятия. Объединила их лишь впоследствии мораль восходившего в XIV—XV веках буржуазного класса. Поэтому-то во времена Средневековья рядом с возвышенной утонченностью любовных переживаний мы встречаем такую невообразимую грубость нравов в области отношений между полами. Половое общение вне брака, как и в незаконнейшем браке, лишённое одухотворяющего и скрашивающего начала любви, превращалось в акт откровеннейшей физиологии.

Церковь внешне, лицемерно громила разврат, но, поощряя на словах «любовь духовную», фактически вела к грубо-животному общению полов. Рыцарь, не расстававшийся с эмблемой дамы своего сердца, сочинявший в ее честь нежнейшие стихи, рисквавший жизнью, чтобы снискать только ее улыбку, преспокойно насиловал девушку городского сословия или приказывал управителю согнать в замок красивейших крестьянок утехи ради. Со своей стороны, рыцарские жены не упускали случая втихомолку от мужа вкушать плотские радости с трубадурами и пажамы, не отказывая в своих ласках даже понравившемуся слуге, несмотря на все презрение, какое феодальная дама питала к «челяди».

Вместе с ослаблением феодализма и нарастанием новых условий быта, диктуемых интересами нарождающейся буржуазии, складывается постепенно и новый нравственный идеал отношений между полами. Отбрасывая идеал «духовной любви», буржуазия выступает на защиту поправленных прав тела, вкладывая в самое понятие любви одновременное сочетание физического и духовного начала. По буржуазной морали брак и любовь отнюдь нельзя разъединять, как это делало рыцарское сословие; напротив, брак должен определяться взаимным влечением брачующихся. На практике, разумеется, буржуазия сама во имя «расчета» постоянно переступала эту моральную заповедь, но самое признание любви как основы брака имело глубокие классовые основания.

При феодальном строе семью властно скрепляли традиции знатной фамилии, рода. Брак был фактически нерасторжим; над брачной парой тяготели веления церкви, неограниченный авторитет главы рода, власть традиций семьи, воля сюзерена.

Буржуазная семья складывалась при иных условиях; ее основой являлось не совладение родовыми богатствами, а накопление капитала. Семья являлась тогда живой хранительницей богатств; но, чтобы накопление совершалось быстрее, буржуазному классу важно было, чтобы добытое руками мужа и отца добро расходовалось «бережливо», умно, расчетливо, другими словами, чтобы

жена являлась не только «хорошей хозяйкой», но и действительной помощницей и подругой мужа.

При установлении капиталистических отношений и буржуазного строя только та семья могла быть прочной, в которой рядом с хозяйственным расчетом существовало сотрудничество всех ее членов, заинтересованных в акте накопления богатств. Но сотрудничество могло быть осуществляемо тем полнее, чем больше душевных и сердечных уз связывало между собою супругов и детей с родителями.

Новый хозяйственный быт в те времена, начиная с конца XIV — начала XV столетия, рождает и новую идеологию. Понятия любви и брака постепенно видоизменяются. Религиозный реформатор Лютер, а вместе с ним и все мыслители и деятели веков Возрождения и Реформации (XV— XVI века), прекрасно понимали и учитывали социальную силу, заключающуюся в чувстве любви. Сознавая, что для крепости семьи — этой хозяйственной единицы, служащей основой буржуазного строя, — нужна сердечная спайка ее сочленов, революционные идеологи восходящей буржуазии выдвинули новый моральный идеал любви: любовь, объединяющую два начала — плотское и душевное. Ополчившись на безбрачие церковнослужителей, реформаторы того времени беспощадно осмеивали «духовную любовь» рыцарей, заставлявшую влюбленного рыцаря находиться постоянно в состоянии любовного устремления без надежды утолить свои плотские желания. Идеологи буржуазии, деятели Реформации признали законность здоровых запросов тела. Феодалный мир расчленил любовь на голый половой акт (общение в браке, с наложницами) и на любовь «возвышенную», духовную (влюбленность рыцаря в «даму сердца»). Нравственный идеал буржуазного класса в понятие любви включал как здоровое телесное влечение полов, так и сердечную привязанность. Феодалный идеал отделял любовь от брака. Буржуазия связывала эти понятия. Брак и любовь буржуазия превращала в понятия однозначные. Разумеется, буржуазия на практике постоянно отступала от своего же идеала; но в то время как при феодализме при брачных сделках даже не подымался вопрос о взаимной склонности, буржуазная мораль требовала, чтобы даже в тех случаях, когда брак заключался по расчету, супруги лицемерно создавали видимость, что налицо имеется взаимная любовь.

Пережитки феодальных традиций и взглядов на брак и любовь дошли до нашего времени, пройдя через века и уживаясь рядом с моралью буржуазного класса. Этими взглядами руководствуются до сих пор члены коронованных семейств и окружающая их

высшая аристократия. В той среде считается «смешным» и неловким, когда брак заключается по взаимной склонности. Молодые принцы и принцессы обязаны подчиняться до сих пор мертвым велениям традиций рода и политическим расчетам, соединяя свою жизнь навсегда с нелюбимым человеком. История знает немало драм, подобных драме несчастного сына Людовика XV, который шел под венец ко второму браку с невысохшими еще слезами по умершей горячо любимой жене.

Подобное же подчинение брака соображениям рода и хозяйства существует и в крестьянстве. Крестьянская семья, в отличие от семьи городской индустриальной буржуазии, — прежде всего хозяйственно-трудовая единица. Семью крестьянскую так прочно сцепляют и скрепляют хозяйственные интересы и расчет, что душевные скрепы играют второстепенную роль. В семье ремесленников Средневековья о любви при заключении брака также не было речи. При цеховом ремесленном строе семья также являлась производственной единицей и держалась на трудовом хозяйственном начале. Идеал любви в браке начинает появляться в буржуазном классе лишь тогда, когда семья постепенно превращается из производственной единицы в единицу потребительную и вместе с тем служит хранительницей накопленного капитала.

Но, выступая на защиту права двух «любящих сердец» заключать союз даже вопреки традициям семьи, осмеивая «духовную любовь» и аскетизм, провозглашая любовь основой брака, буржуазная мораль, однако, ставила любовь в очень ограниченные границы. Любовь законна только в браке. Любовь, имеющая место вне законного брака, безнравственна. Такой идеал диктовался, разумеется, часто экономическими соображениями: стремлением воспрепятствовать распылению капитала среди побочных детей. Вся мораль буржуазии была основана на стремлении способствовать сосредоточению, концентрации капитала. Идеалом любви была брачная пара, совместно прилагающая старания к повышению благосостояния и богатства обособленной от общества семейной ячейки. Там, где сталкивались интересы семьи и общества, буржуазная мораль решала в интересах семьи. (Например: снисходительное отношение не права, а именно буржуазной морали к дезертирам, моральное оправдание акционера, разоряющего своих соакционеров ради семьи, и т.п.) С присущей буржуазии утилитарностью она стремилась с выгодой использовать и любовь, превращая это чувство и переживание в фермент брака, в средство, скрепляющее семью.

Разумеется, чувство любви не умещалось в отведенных ему буржуазной идеологией границах. Возникали, плодились и

множились «любовные конфликты», нашедшие свое отражение в новом виде литературы — в романах, форме беллетристики, рожденной буржуазным классом. Любовь то и дело выходила за пределы отведенного ей узкого русла законно-брачных отношений, выливаясь то в виде свободных связей, то в форме осуждаемого буржуазной моралью и осуществляемого на практике адюльтера (прелюбодеяния).

Буржуазный идеал любви не отвечает потребностям наиболее многочисленного слоя населения — рабочего класса. Он не соответствует и быту трудящейся интеллигенции. Отсюда в странах высокоразвитого капитализма этот интерес к проблемам пола и любви, поиски ключа к разрешению многовековой, мучительной загадки: как построить отношения между полами так, чтобы эти отношения, повышая сумму счастья, вместе с тем не противоречили бы интересам коллектива?

Этот же вопрос в настоящий момент снова встает перед трудящейся молодежью советской России. Беглый взгляд на эволюцию идеала любовно-брачных отношений поможет вам, мой юный товарищ, осознать и понять, что любовь вовсе не есть «частное дело», как это кажется с первого взгляда. Любовь — ценный психо(душевно)-социальный фактор, которым человечество инстинктивно руководило в интересах коллектива на протяжении всей своей истории. Дело трудового человечества, вооруженного научным методом марксизма и пользующегося опытным материалом прошлого, понять: какое место в социальном общении должно новое человечество отводить любви. Каков, следовательно, идеал любви, отвечающий интересам класса, борющегося за свое господство.